

Анна Ангелова

Семантика зооморфных мифологических символов и их отражение в аграрно-магических обрядках зимних календарных праздников восточных славян

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 7, 9-13

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Анна Ангелова
(Киевский славистический университет)

Семантика зооморфных мифологических символов и их отражение в аграрно-магических обрядах зимних календарных праздников восточных славян

Языческая религия у восточных славян веками создавалась самим народом. Анимистические верования *языка* в значении *племени, народа* привели к появлению аграрных, тотемистических культов, культа предков, поклонению божествам, родоначальникам-тотемам, покровителям племени. В связи с этим возникло множество обрядов, „...которые представляли собой коллективное совершение определенных магических действий, сопровождаемых пением, игрой на музыкальных инструментах, часто драматическим исполнением, иногда с ряжением и употреблением масок” [Кравцов 1971: 34], знаков, обрядовых символов, выявляющих свою сущность в соответствующем ритуальном контексте и воздействующих на окружающий мир и силы природы.

Предметом нашего исследования являются зооморфные мифологические символы, в частности, символы медведя и волка, их истоки, семантика, отражение знаков-символов в аграрно-магических обрядах зимних календарных праздников восточных славян.

В культурной традиции восточных славян особо почитались медведь и волк. Главенствующая роль принадлежала медведю, который издревле обожествлялся, воспринимался людьми как бог богатства и благополучия. Такое выделение медведя из ряда тотемных животных произошло из-за его основного признака – силы, что отразилось в фольклорных жанрах – пословицах и поговорках (*Не дал бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы!*, *Богатый силен, что медведь*, *Медведь неуклюж, да дюж*), в прозаических жанрах – сказках о животных, созданных во время анимистических представлений, почитании тотема, в которых медведь происходил от человека, считался зверем „высшего” ранга, „... занимал самое высокое и почетное место. Во время сложения сказки как художественного жанра в медведе стали видеть воплощение государя-владыки округа, всякого человека с большими государственными полномочиями” [Кравцов 1971: 106]. Медведь был столь почитаем, что опасались без нужды вспоминать его в разговоре, поэтому именовали его иносказательно. Вначале у германских и славянских племен он назывался бером (ср. *берлога* – логовище бера), затем медведем, т.е. тем, кто знает, где мед, в дальнейшем его стали называть *дедушка, мишка, топтыгин, косопалый* или *бука* – человек нелюдимый, неприступный, суровый, угрюмый, медведь [Даль 1955: 138].

По мнению В. С. Казакова, *ком*, возможно, тоже иносказательное, табуированное название. Отсюда и пословица – *Первый блин комом*, хозяевам леса, так как блины, комы (поминальная треба древних славян) перед трапезой жертвовались медведю.

Медведь как символ здоровья, силы и плодородия нашел отражение в самых разнообразных сферах обрядовой и бытовой жизни человека. Так, „обереги «скотьего бога», когти, шерсть медведя в хлеву защищали и обеспечивали плодovitость животных. У восточных славян существовал обряд вождения медведя вокруг деревни, направленный на обеспечение хорошего урожая” [Русская мифология 2006: 268]. В лечебной практике продукты охоты на медведя наделялись магическими свойствами. Посредническую роль выполнял медведь и в заговорах от болезней и недугов.

Одно из почетных мест среди тотемных животных занимал и волк – символ смерти, дикой, необузданной природы. У восточных славян волк являлся посредником между миром людей и иными мирами или *волколаком*, *волкодлаком* (укр. *вовкулаком*). „Первая часть слова – волк, вторая от церк.-слав. *длака*, сербохорв. *длака*, словен. *dláka* означает ‘волосы’, ‘шкура’” [Фасмер 1967: 339]. От слова *кодлак* в украинском языке слово *кудлатый* (обросший волосами, шерстью), т.е. человек-оборотень, принимающий в определенное время облик волка. Такими способностями обладали *заклинатели*, *знающие*, *ведущие* люди, совершающие магические ритуалы в обрядах, отмечающих важнейшие события в жизни человека, желающие получить свойства наиболее могущественных, почитаемых зверей. Так, об оборотничестве новгород-северского князя Игоря Святославича говорится в выдающемся историческом произведении Киевской Руси – в „Слове о полку Игореве”: „Вскочил на борзого коня и соскочил с него серым волком” [Лихачев 1984: 75]. За оборотничество полоцкого князя Всеслава Брючславича, который изумлял современников быстротой своего передвижения, князь был прозван *вещим* – оборотнем. „Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перерыскивал. Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве звон тот слышал. Хоть и вещая душа у него в храбром теле, но часто от бед страдал” [Лихачев 1984: 73].

Сведения об оборотничестве существуют и в былинах – эпических произведениях о богатырях и их невероятных подвигах. Чтобы одержать победу над врагами, богатырям надо было обладать исключительными качествами. Само слово *богатырь* значило не только, что человек „рослый, дородный, дюжий и видный, необычайный силач, но и храбрый вонь, витязь” [Даль 1955: 102].

Хозяином и покровителем волков считался Св. Егорий или Юрий. Самого волка называли *Юровой собакой* или *серый, кузьма, дядька*, названия были иносказательными, табуированными, т.к. упоминание волка накликало его появление. Об этом свидетельствуют пословицы и поговорки (*Про волка речь, а он навстречь, Сказал бы словечко, да волк недалечко*). В пословицах

поговорках (*Волчья утроба из семи овчин сшита, Волк шерсть меняет, а зубы никогда, Волку в зубы попало: считай – пропало*) подчеркивают его основные признаки – ненасытность и кровожадность, признание только одного права – права сильного, ставят волка наравне с медведем, животным „высшего“ ранга.

В прозаических жанрах, сказках о животных, созданных во время архаических представлений, волк вызывал почтение и страх. С отмиранием тотемистического культа в сказки вошли иронические изображения поведенческих животных, образ животного стал восприниматься как иносказательное изображение человека. Так, волк был наделен алчностью, глупостью, свойствами, которые чернили, порочили его и приводили к гибели. Таким способом зло наказывалось народом.

Разнообразные запреты, связанные с волком, гарантировали хозяйственное благополучие семье, защитные меры, обереги, обрядовые тексты, песни и заговоры, обращенные к Св. Егорию, обеспечивали благополучие скота. Волки, забежавшие в деревню, или их количество предвещало неудачу, голод и даже войну. Но „волчьи“ приметы могли иметь и положительное толкование. Волк, перебежавший дорогу путнику или пробежавший мимо поселения, предвещал удачу и счастье. Продукты волчьей охоты служили амулетами и лечашими средствами, волчий хвост защищал от болезней. Называя имя волка или медведя, желали человеку здоровья и долгих лет жизни.

С идеей плодородия, хозяйственного благополучия, пожелания здоровья, физических сил, долгих лет жизни связан устойчивый обычай рядиться медведем и волком в наиболее насыщенный обрядами период зимнего восточнославянского народного календаря – Святки (с 24 декабря по 6 января), единственный праздник с исконным значением ‘праздник’, ‘священные дни’ (ср. укр. свято, белорусск. свята, сербохорв. свечаник, светковина). Святки, как праздник перехода к будущему, предполагал контакт миров мертвых и живых, людей и мифологических существ, „...в рамках которого формировались также судьбы природы, социума и каждого конкретного человека“ [Русская мифология 2006: 48].

Подобные праздники в Древней Элладе назывались Дионисиями. На праздничной процессии участники раскрашивали лица, переодевались, подражая животным или мифологическим существам, спутникам Диониса. Весь обряд должен был магически воздействовать на животворящие силы природы, которые олицетворялись богом вина и веселья. Истоками драматических жанров (трагедии и комедии) стали мимические представления, воспроизводившие жизнь бога.

Традиционная новогодняя обрядность украинцев включала зимние календарные праздники, среди которых кульминационными были Різдво (Коляда) (25 декабря), Маланка (31 декабря) и Хрещення (6 января) по старому стилю. Коляда – имя бога, который начинал Коло Сварога, рождение молодого бога Солнца, откуда праздник имеет другое название – Божич, т.е. начало нового годового цикла. Коло у восточных славян означает

„круг, окружность, обод, обруч, колесо, а кола – повозка на колесах, телега” [Даль 1955: 137]. Коло является символом единства, целостности, бесконечности, завершенности. Магический круг, обведенный вокруг человека, его дома, двора, поля или поселка и произнесенное заклинание, исполняли защитные функции, являлись преградой между Космосом и Хаосом, миром людей и „иными” мирами, своим и чужим пространством. Составными праздника Різдва (Коляды) у восточных славян были величальные обходы и поздравления, обряды и игры с масками козы, быка, барана, медведя, собаки и волка.

Последний день старого и первый день Нового года украинцы отмечали как праздник Маланки (Меланки) и Василя. *Маланка* – это традиционный новогодний обряд с использованием масок. Своим названием он обязан Св. Мелании и берет начало от аграрно-магических обычаев древних славян, целью которых является воздействие на силы природы. Традиционные карнавальные образы Маланки включают зооморфные маски животных и птиц: козы, медведя, журавля, быка, коня, а также других персонажей. По традиции, возле поселения, на перекрестке дорог, происходил общесельский праздник – схід, пляс, данець, классической формой которого было коло (хоровод). Целью его являлась символическая помощь Солнцу, поддержка в его движении, движением танца по кругу. В центре кола размещались музыканты и молодые парни, а в стороне стояли девушки. Танец происходил между внутренним и внешним коло. В танце молодые люди состязались и в рязении: свою роль играла каждая маска, каждый карнавальный образ. Состязание рязеных было направлено на вымалывание благ у потустороннего мира и обеспечение урожая, достатка, благополучия человека.

Таким образом, материалы исследования показывают, что анимистические верования людей привели к развитию аграрных, тотемистических культов и культа предков, возникновению ритуальных обрядов, связанных с идеей вечного круговорота в природе и ее мифологемой цикличности, что зооморфные символы, их семантика, признаки, функции, которые нашли отражение в обрядовой и бытовой жизни древних греков и восточных славян, сходны, так как нет существенной разницы между верой славян и „эллинской верой”, и что данные аграрно-магические обряды зимних календарных праздников, как и их знаки-символы, воздействовали на окружающий мир, силы природы с помощью неземных божеств, родовых покровителей, предков, дающих земле, животным продуцирующие силы, помощь и защиту от злых и враждебных сил и обеспечивающих благополучие самому человеку и его семейной общине.

Библиография

- Бычков А. [2008], *Энциклопедия славянской мифологии*, Москва.
Войтович В. [2002], *Українська міфологія*, Київ.
Даль В. [1955], *Толковый словарь живого великорусского языка*, том II, Москва.

- Русская мифология, Энциклопедия, [2006], Москва, Санкт-Петербург.
Кзаков В. С. [2005], *Мир славянских богов*, Москва-Киев.
Клейн Л. С. [2004], *Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества*, Санкт-Петербург.
Кравцов Н. И. [1971], *Русское народное поэтическое творчество*, Москва.
Лихачев Д. С. [1984], *Слово о полку Игореве: Древнерус. текст*, Москва.
Пономарьов А. П., Артюх Л. Ф., Космічна Т. В. та ін. [1994], *Українська минувшина: Люстрований етнографічний довідник*, Київ.
Фасмер М. [1967], *Этимологический словарь русского языка*, том II, Москва.

Summary

Anna Angelova

The semantic aspects of zoomorphic mythological symbols and their reflection in the agrarian and magic rites of the Eastern Slavonic winter holidays

The author of the article investigates a question of mythological zoomorphisms, their sources, features and functions. She gives a comparison between the Greek and the Eastern Slavonic representations of signs and symbols used in rituals as well as the everyday life.

Key words and expressions: zoomorphic symbols, animistic beliefs, cult of totem.